

Н.В. Ахмедшина, Р.Л. Ахмедшин

КРИТЕРИИ АНАЛИЗА ТЕОРИЙ ПРИЧИННОСТИ СЕРИЙНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ)

Раскрывается алгоритм оценки исследовательской ценности отдельных теорий причинности серийных преступлений. В рамках различных исследовательских школ сформировалось несколько основных направлений, объясняющих причины существования серийной преступности. В большинстве своем эти теории убедительны и в теоретическом, и в эмпирическом аспектах, что делает проблематичным объяснение их большого числа. Результатом проведенного исследования выступил анализ сильных и слабых сторон биологических теорий причинности серийной преступности.

Ключевые слова: серийный преступник; серийный убийца; теории причинности; биологический фактор преступности.

Криминалистическая наука как прикладное знание стоит на фундаменте криминологического знания, которое в свою очередь заимствует знание об исследуемом феномене из смежных областей знания. Однако, как и любая человеческая деятельность, криминологическое познание не являет из себя субстрат чистого знания. В криминологической науке объективно результаты проводимых исследований напрямую зависят от ряда факторов, которые сами криминологи предпочитают активно не обсуждать. Конечно сама по себе криминологическая теория, оторванная от практики ее применения, не имеет ценности, что делает порой академическую науку о природе преступления совершенно бессмысленной.

Какие же факторы определяют содержание получаемого знания о личности преступника в частности:

- 1) само наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта;
- 2) уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта;
- 3) социальный заказ общества;
- 4) академические традиции;
- 5) исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, возможности сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации).

Наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта подразумевает принципиальную познаваемость исследуемого объекта. Принципиальная познаваемость проистекает из самой природы установок научного познания. Здесь речь идет об объективности существования исследуемого объекта.

Нельзя изучать объект высокой степени абстракции и надеяться на получение практикоценного результата. Чем более общим является понимание объекта исследования, тем оно менее результативно. Чем больший круг исследуемых феноменов включает исследуемый объект, тем более общими будут выводы проводимого исследования. Казалось бы, данные положения элементарны и всеми понимаемы, однако, как было видно из прошлого параграфа, авторы, понимающие эти положения в теории, категорически не хотят руководствоваться ими в практике исследования. Понятно, что серийные преступники – уникальное образование, которое должно быть отграничено от схожих, но сколько исследователей даже в наши

дни в понятие серийности включают все формы множественности, на выходе проводимых исследований имея крайне общие прикладные рекомендации.

Психологически авторов, стремящихся к избыточной теоретичности, понять несложно, ведь под заявкой глубокого теоретического осмысления наиболее удобно прятать отсутствие смысла проводимого исследования. В рассматриваемом нами случае, чем абстрактнее понятие серийного преступника, тем удобнее маскировать отсутствие практических выводов, заменяя их на рассуждения о природе явления.

Уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта, никогда не бывает избыточным, однако всегда достаточен для научного познания хотя бы на уровне гипотез.

Исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, эффективных и достаточных алгоритмов сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации) – категория объективная, но тем не менее малоисследованная и до предела дискуссионная. Примером негативного следствия для успешного исследования фактора «исследовательский потенциал ученого» является недооценка значимости биологических теорий преступности, проистекающая из того, что «большинство криминологов имеют плохую подготовку в области биологии и немногие из них имеют интерес или склонность к выправлению ситуации и, таким образом, прилипают к биологии свободных теорий, которые были в моде, когда они были аспирантами» [1. Р. 7; 2. Р. 15].

Из факторов, которые определяют содержание получаемого знания о личности преступника, наиболее проблемными являются фактор социального заказа общества и фактор академических традиций.

Социальный заказ общества предопределяет получение от естественных наук знания, необходимого для прогресса науки и техники, а от гуманитарного знания, наоборот, необходимого для стабилизации общества, недопущения революционных изменений и прогресса. Естественно, в первом направлении часто встречаются шарлатаны, а во втором бунтари, но они не составляют ту массу, которая бы определяла вектор научного развития, регулируемый социальным заказом общества. Что же требуется власти от теорий преступного поведения в рамках социального заказа общества?

Во-первых, в рамках социального заказа власти необходимо до предела уменьшить вину государства

в развитии феномена преступности, как правило, переложив ее на малые группы (семью, школу, окружение, даже национальные сообщества). Поэтому теории, которые определяют власть как основного виновника преступного феномена, упоминаются редко и формально. Ясно, что в рамках социального заказа для власти предпочтительнее теории причинности серийных преступлений, утверждающих, что базовым фактором в формировании личности преступника является его семья.

Во-вторых, в рамках социального заказа власти необходимо получить такие теории, которые бы предполагали возможность борьбы с преступностью в принципе (после увеличения ассигнований, после модернизации правоохранительных структур, после принятия «строгих, но справедливых» законов).

Теории, которые исходят из ограниченного потенциала волевого контроля субъекта, противореча уголовно-правовой доктрине «свободы воли», таким образом, также не соответствуют социальному заказу. Ведь если ограниченный потенциал волевого контроля – объективное явление, то вся современная уголовно-правовая доктрина нуждается в ревизии. Бессмысленно бороться традиционными способами с биологической преступностью именно в силу предопределенности криминальной природы человека, поэтому проще биологические теории отрицать. Неудивительно, что биологические теории преступности, объективно базирующиеся на ограниченном потенциале волевого контроля лицом своего поведения, всегда являлись объектом повышенной критики.

В рамках социального заказа любого общества оптимальна пропаганда социальных теорий преступности. Именно поэтому «социологическая криминология была господствующей парадигмой, которая руководила исследованием преступности в XX веке» [3. Р. XV; 4. С. 72]. К сожалению, для значительного количества зарубежных исследователей и подавляющего большинства отечественных в XXI в. в этом плане ничего не изменилось. «Социологическая криминология успешно деконструировала консервативные представления о преступности, но не приобрела много полезных знаний о том, как спасти преступников от преступной жизни. Несмотря на благие намерения и искренние убеждения, его сторонники разработали скудные прагматические советы о том, как уменьшить страдания, которые несет преступление в жизни виновных и их жертв» [3. Р. XVI].

Учитывая, что «ключевые современные решения, касающиеся научного вопроса, смещены в сторону биологических, химических и инженерных проблем, что отражается в исследовании проблем уголовного преследования» [5. Р. 5], мы будем рассматривать биологические теории серийной преступности наравне с социальными и личностными.

Социальный заказ реализуется путем выделения грантов на ограниченный комплекс проблем, разработку неконфликтных образовательных программ, общее информационное воздействие на социум и научный мир.

Типичным примером следствия социального заказа является стремление значительного количества

криминологов, как зарубежных [6. Р. 92], так и отечественных, объяснить феномен преступности бедностью лиц, совершающих деликты, а не способом организации и реализации власти в данном государстве.

Есть еще ряд обстоятельств (в-третьих, в-четвертых и т.д.), но применительно к теориям, объясняющим феномен серийных преступлений, они мало важны.

Резюмируя сказанное, говоря о социальном заказе той или иной теории, мы будем в дальнейшем вести речь о ее политической и доктринальной ангажированности. Политическая ангажированность – соответствие запросам и мировосприятию наиболее активных социальных групп, формирующих социальный заказ науке от общества. Доктринальная ангажированность – соответствие интересам и основным положением доктрины как источника права и правовой науки.

Академические традиции как фактор, который определяет содержание получаемого знания о личности преступника, вероятно, является наименее исследованным. Больше всего современный исследователь боится обвинений в исследовательском радикализме, избыточном новаторстве, отходе от исследовательских традиций и направлений исследовательских школ. Неудивительно, что немаловажная задача для современного криминолога не дать четкий, однозначный ответ, опасаясь обвинений от коллег и огульной бездоказательной критики, как это было в случае с Ч. Ломброзо, В. Штерном, И.С. Ноем, Б.Ф. Поршневым. Поэтому до сих пор «не умея фиксировать определенность отношений, в которых совершаются переходы противоположностей, страхась релятивизма, и не желая быть односторонним, эклектик ищет спасение в формуле “и то и другое”» [7. С. 156].

Анализируя деятельность академического сообщества в рассматриваемом вопросе, всегда необходимо помнить, что утверждение о том, что история изучения преступлений – «это увлекательное исследование, в основе которого работа отдельных научных пионеров, а не организации систематизированной, финансируемой государством, спроектированной и предназначенной для оказания помощи государственным обвинителям» [5. Р. 33], имеет под собой определенные основания.

Общая нейтральность и нерешительность выводов характеризуют и исследования природы серийных преступлений. Неудивительно, что формулировки вроде того, что «личность серийного убийцы представляет собой сложный коктейль из биологических ресурсов, психических факторов и социальных условий – нет одной четкой формулы для серийного убийцы» [8. Р. 284], широко распространены, несмотря на их малую ценность. Но положение о том, что природу серийного преступника детерминирует и биологический, и социальный, и личностный фактор, означает только одно: в логическом массиве «серийный преступник» присутствуют как минимум три его разновидности, одну из которых характеризует преимущественно биологический фактор, другую – социальный, третью – личностный. Все теории преступности, в том числе и применительно к серийной преступности, имеют объективную основу, просто поведение

отдельных групп серийных преступников можно объяснить конкретной теорией. Нет правильных и неправильных теорий – есть группы серийных преступников, которые познаются в рамках конкретной теории причинности.

Доминанта только одного из факторов в поведении человека полностью соответствует таким системообразующим для наук о человеке понятиям, как «эволюционная специализация» – эффективное направление в развитие организма за счет второстепенных структур, «правило прогрессирующей специализации» Ш. Депере – группа, вступившая на путь специализации, как правило, в дальнейшем развитии будет идти по пути все более глубокой специализации [9. С. 164], «принцип доминанты Ухтомского» – все поступающие в организм сигналы содействуют эффекту одного единственного инстинктивного поведения [10. С. 309; 11. С. 160], «акцентуации характера» – переразвитие определенных психологических свойств за счет остальных.

Вера в правоту одной теории также необъективна, как и вера в то, что единой детерминанты для конкретной группы нет, а есть сложный комплекс причин, который в силу своей сложности познаваем на уровне высокой абстракции. Смешна убежденность исследователей, что применительно к разнородной группе лиц эффективно понимание только в одном аспекте (биологическом, социальном или личностном). Такое понимание целесообразно в исследовании только достаточно однородной группы, не всех серийных преступников, а серийных преступников определенного типа.

Анализ теорий причинности серийных преступников должен происходить в рамках определенной схемы, единой для всех теорий. Только тогда криминологическая теория из области академических фантазий превратится в инструмент помощи практику, а неиспользование ее в теории расследования будет объясняться не оторванностью теории от реальности, а недостаточным уровнем квалификации практического работника.

К числу факторов, посредством которых целесообразно определять ценность теории причинности серийных преступлений, следует отнести следующие:

- Содержание теории.
- Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории.
- Теоретическая состоятельность и ценность.
- Практическая ценность и область применения.
- Эмпирическая состоятельность.
- Сильные стороны теории.
- Слабые стороны теории.
- Политическая и доктринальная ангажированность.
- Современное состояние и перспективы развития.

К группе биологических теорий причинности серийных преступлений следует отнести генетическую теорию и теорию R-комплекса.

Содержательный анализ генетической теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. Генетическая теория преступности является одной из классических кримино-

логических теорий. Так, Р. Фокс, исследуя преступников, имеющих 47-й кариотип, установил закономерность физических проявлений соматических параметров у данных представителей преступного мира [12. Р. 64]. В других исследованиях указывается на особенности дактилоскопического узора у представителей указанной группы преступников. Например, установлено, что у представителей данной группы преступников в дактилоскопических узорах на пальцах рук чаще, чем в норме, встречаются дуговые узоры, а также отмечается, например, тенденция к снижению гребневого ската [13. С. 115; 14. С. 103–133; 15. С. 15–18; 16. С. 145]. Справедливости ради надо отметить, что данное направление сформировано в нашей науке только на уровне разрозненных, робких исследований и только подтверждает, а не формирует знание о биологической детерминированности части преступлений.

Говоря о серийных преступниках, часть исследователей отмечает некоторую степень девиантности, присущую им, в целом же отмечая их психическую нормальность. «Эта идея предполагает, что их единственная проблема заключается в том, что в некотором роде они девиантны, что отличает их от остальной части человечества. Но это ложь, потому что серийный убийца не вписывается в обычную область человеческого существования и маркировать его просто как отклонение не справедливо, что также не позволяет разработать план лечения, включающий некоторые формы эффективного вмешательства, которые могли бы привести его к воссоединению с человеческой расой» [17. Р. 105].

Что же отличает, по убеждению сторонников генетической теории серийных преступников от обычных людей? Выделяются две группы отличий.

Первая группы отличий определяется наличием химического дисбаланса в деятельности психики [18. Р. 29]. Это касается, прежде всего, серотонинного и дофаминного дисбаланса, предопределяющего слабую способность волевого контроля в стрессовых ситуациях. Названный дисбаланс предопределяет склонность к агрессивному поведению [2. Р. 41; 19. Р. 66; 20. Р. 217; 21. Р. 299–316; 22; 23. Р. 18].

Вторая группы отличий представлена генетическими отклонениями, также предопределяющими склонность к агрессивному поведению. Рассматриваемое направление исходит из идеи, продолжающейся в наши дни эволюции человека, предопределяющей изменения генотипа, однако «серьезные биологи не считают, что есть “преступный ген”: они ищут гены что, делает преступное поведение более вероятным» [2. Р. 35]. Такое может быть обусловлено как химическим дисбалансом, о котором уже говорилось, так и серьезными структурными аномалиями головного мозга [24. Р. 80].

Выводы обеих групп авторов изучаются также на предмет наследования рассматриваемых особенностей. Так, статистически доказана наследственная предрасположенность к агрессивному поведению, предопределяющему совершение насильственных преступлений [2. Р. 36–37].

К генетической теории примыкает теория приобретенного дефекта, который свойствен серийным пре-

ступникам: физиологические и психологические отклонения объясняют совокупностью физических травм (прежде всего, в результате черепно-мозговых повреждений и интоксикаций) [17. Р. 109]. Классическим примером, подтверждающим данную теорию, выступает биография Альберта Фиша (Albert Fish).

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье взрывоподобное поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать большое количество повреждений жертве и разрушения обстановки места преступления. Системообразующим является факт внезапного выбора и нападения на жертву, малосвязанный как с внешними, так и с ее личностными свойствами. Преступные события рассматриваемого типа серийного преступника напрямую коррелируют с неприятностями в личной и профессиональной жизни преступника.

Теоретическая состоятельность и ценность. Прежде всего необходимо отметить, что рассматриваемая теория давно стоит на позиции, что «биологический или эволюционный детерминизм не эквивалентен биологической неизбежности» [1. Р. 11; 25. Р. 21]. Отдельно теоретическая состоятельность предопределяется задействуемой естественнонаучной методологией. Резюмируя сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать очень высокой.

Отметим, что противники биологического подхода традиционно не ссылаются на конкретные исследования, ограничиваясь голословным отрицанием [26. Р. 190; 27. Р. 101].

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория обладает как прикладной, так и объяснительной функцией. Практическая ценность рассматриваемой теории выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями биологического комплекса свойств, предопределяющих склонность к агрессивному поведению. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению жестоких преступлений, что значительно оптимизирует возможность расследования серийных преступлений на первоначальном этапе. Предварительный поиск по базам данным на первоначальном этапе, дополненный элементами, установленными профилированием, в значительной степени в короткое время позволит сформировать небольшой по объему круг подозреваемых.

Будучи признанной, рассматриваемая теория может даже изменить тактику защиты серийных преступников в суде. Так, на практике «адвокаты уже пытались использовать исследование молекулярной генетики системы серотонина для оправдания или смягчения преступных деяний своих клиентов» [2. Р. 39]. Известны предложения о коррекции поведения посредством изменений в рационе питания с целью регулирования недостающих медиаторов [Ibid. Р. 40], что открывает новые горизонты не только в профилактике агрессивной преступности, но и в коррекции поведения осужденных серийных преступников в процессе отбывания наказания.

Эмпирическая состоятельность. Проверка на эмпирическую состоятельность данной теории показывает неоднозначные результаты. Определенная часть серийных преступников демонстрирует отсутствие биологической детерминанты их преступной деятельности. Часть серийных преступников может быть рассмотрена в рамках генетической теории не в полной мере. Частичная обусловленность преступного поведения нашла убедительное подтверждение в трудах современных исследователей, к примеру так называемого гена воина [28. Р. 1–7]. Учитывая, что рассматриваемая генетическая аномалия, предопределяющая дефицит моноаминоксидазы (МАО-А), оказывает влияние только на мужчин, становится объяснимым факт их преобладания среди серийных преступников.

Однако есть группа серийных преступников, у которых зафиксированы генетические аномалии, частота встречаемости которых в норме не позволяет рассуждать о простом совпадении. Так, каноническими стали примеры наличия у Бобби Джо Лонга (Bobby Joe Long) – лишней X-хромосомы, у Ричарда Спекка (Richard Franklin Speck) лишней Y хромосомы, у Генри Ли Люкаса (Henry Lee Lucas) – нередко встречающейся у серийных преступников аномалии, выражающейся в особенности строения пальцы на ногах (вероятно, синдром Марфана). Естественно, говорить о наличии генетической патологии можно применительно к небольшому количеству серийных убийц. Таким образом, эмпирическая состоятельность генетической теории достаточно высока.

Сильные стороны теории – научность, базирующаяся на естественнонаучной парадигме, высокий уровень проверяемости выводов, естественная логичность, однозначность и точность.

Слабые стороны теории проистекают из ее же научности. Если опровергнуть социальные теории преступности довольно сложно ввиду их неконкретности, неоднозначности основных понятий, слабой проверяемости или вообще непроверяемости в лабораторных условиях, то с достижениями генетической теории ситуация прямо противоположная. Неудивительно, что область применения данной теории достаточно узка – небольшая доля обычных агрессивных преступлений и не самая значительная доля преступлений серийных. Слабостью теории выступает и современный уровень развития такой специфической области знания, как психогенетика.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность спорная, так как, с одной стороны, фактически не предполагает виноватого, преподнося преступника как жертву патологических отклонений – что удобно. С другой стороны, традиционно более распространены попытки обвинять общество и конкретно власть, нежели чем человеческую природу – что непривычно.

Доктринальная ангажированность крайне низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека, поведение которого предопределено не сознательными усилиями, а дефектами психики и нервной системы. Невысокий уровень доктринальной ангажированности обусловлен также традиционным нежеланием научного сообщества (особенно индустриально

развитых государств) изучать естественнонаучную составляющую поведения любого преступника, о чем говорилось в начале параграфа.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне мало скоординированных исследований специалистов различных научных областей, с громадными перспективами развития. В отечественной науке подобные исследования крайне нехарактерны, за исключением, пожалуй, Ростовского региона.

Содержательный анализ теории R-комплекс причинности серийных преступлений.

Содержание теории. Тезис о том, что поведение человека можно объяснить историей эволюции человека [1. Р. 13], находит свое отражение и в исследованиях серийных преступников. Исследования, выявившие уникальное место человека среди приматов как представителя единственного вида обезьян, являющегося прирожденной убийцей [17. Р. 197], широко известны.

Широкое распространение каннибализма в Средние века характерно для Европы, Китая и стран центральной Америки [29. Р. 110, 114], также в Древней Аравии человеческие останки, залитые медом (*mollified man* – «кондитерская мумия человека»), пользовались популярностью [29. Р. 105]. Кровь недавно убитого человека, используемая в медицинских целях, была столь же популярна в Древнем Риме, как и человеческая плацента, используемая в косметических целях в мире современном [29. Р. 105, 108].

Исследование троглодитид (высших прямоходящих приматов, являющихся уже не животными, но еще не людьми) Б.Ф. Поршневым показало, что развитие человеческого вида прошло ряд этапов. На первом этапе сформировалась способность поглощать мясо, не имея специально предназначенного зубного аппарата. В силу сказанного троглодитиды питались преимущественно не мясом, а головным и костным мозгом убитых другими хищниками животных. На втором этапе троглодитиды стали употреблять в пищу трупы сначала умерших, а потом специально убитых членов племени (адельфофагия). На третьем этапе способность к подражанию образовала социальную и биологическую основы возникновения речи. Так, внутри сообщества гоминид возникает человек с его символической смысловой речью и относительно невысокой внушаемостью. На четвертом этапе происходит окончательное эволюционное размежевание человека (неоантропа) и палеоантропа (неандертальцев). При этом неоантропы и палеоантропы сосуществовали вместе в одних сообществах, причем первые служили основной пищей вторых. На пятом этапе произошло распространение неоантропов по всему земному шару. Это произошло в силу того, что неоантропы стремились бежать либо от палеоантропов, потреблявших их в пищу, либо от популяций неоантропов, находящихся в симбиотические отношения с неандертальцами [30].

К идентичным выводам пришли и зарубежные авторы, уверенные, что «внутривидовая агрессия человека это – самопроизвольное инстинктивное стремление человека» [31. С. 60].

Именно описанные особенности становления человеческого рода предопределяют человеческую

агрессию как некий атавизм, присущий человеку в силу его эволюции, однако присущий лишь фрагментарно. Серийные преступники являются носителями атавистического стремления к убийству представителя своего вида, которое называют «R-комплекс».

В рамках теории R-комплекса становится понятной та степень чуждости, неадекватности и неестественности уровня агрессии, наблюдаемого в серийных преступлениях.

К рассматриваемой теории примыкает пусть и умозрительная, но вполне сбалансированная гипотеза «криминальных программ», выдвинутая Е.Г. Самовичевым (цит. по: [32. С. 153]). Гипотеза представлена совокупностью нижеследующих идей.

В каждом человеке можно найти некий код, алгоритм поведения. Например, это код овладения речью. В 2–2,5 года каждый ребенок начинает разговаривать. То же самое – программа полового созревания. В определенном возрасте она включается и выключается. Есть и криминальная программа, которая срабатывает в определенных условиях и уже определяет поступки и действия конкретного человека. Действительно, очень часто изобличение преступника является не итогом деятельности правоохранительных органов, а, на первый взгляд, провоцируется самим преступником. Е.Г. Самовичев объясняет подобную провокацию закономерностями завершения криминальной программы. Зарубежные исследователи также подтверждают это, утверждая, что «серийные убийцы иногда выгорают, и в зависимости от особенностей личности они либо позволяют себе быть захваченными, совершить самоубийство, или прекратить убивать сами по себе и тихо угаснуть там, откуда они пришли» [8. Р. 17].

По нашему глубокому убеждению, R-комплекс, если имеет объективную природу, должен проявляться в рамках гипотезы криминальных программ, предложенной Е.Г. Самовичевым.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать момент охоты за жертвой, ее преследование. Системообразующим является фактор ограниченного количества повреждений, нанесенных жертве, а также отсутствие посмертных повреждений. Рассматриваемый тип также вполне логично должен экспериментировать с каннибализмом. Ввиду архитипичности, исходности криминального поведения данного серийного преступника, крайне маловероятно выбор жертвы одного пола с преступников и иные сексуальные aberrации, не встречающиеся в природе.

Теоретическая состоятельность и ценность. Учитывая, что R-комплекс – это потребность убивать людей, возникает противоречие с прослеживающейся у значительного количества серийных преступников в детстве тенденцией мучить и убивать животных. Позитивность данной теории заключается в эстетичности установки на то, что агрессивное поведение, проявляющееся в значительной степени, является не типичной, а атавистической потребностью. Учитывая обоснованность теорий R-комплекса с позиций цело-

го комплекса наук, что видно на примере учения Б.Ф. Поршнева, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Однако если принять во внимание положение о том, что R-комплекс должен базироваться на каком-то материальном носителе (особенности нервной системы, особенности развития отделов головного мозга, физиологические особенности), практическая ценность рассматриваемой теории выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями рассматриваемого комплекса. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению жестоких преступлений, что значительно оптимизирует возможность расследования серийных преступлений на первоначальном этапе.

Эмпирическая состоятельность. Вероятно, механизм проявления R-комплекса предельно стихийен и на данный момент исследованию поддается очень плохо. Эмпирическое подтверждение данной теории возможно только посредством использования метода эксперимента. Для этого необходимо поместить серийного преступника в лабораторные или естественные условия и контролировать изменения в его поведении и психике. Понятно, что подобная постановка возможна только при условии участия в качестве жертвы живого лица, что неэтично. Таким образом эмпирическая состоятельность теории R-комплекса крайне низка.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность механизма спонтанного проявления архетипических моделей поведения. Отметим, что рассматриваемая теория также может быть объективна лишь частично, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества серийных преступников, чей феномен обусловлен R-комплексом.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка, так как не предполагает виноватого, а значит не может быть использована как средство давления. Невысокий уровень политической ангажированности обусловлен также нежеланием научного сообщества (особенно индустриально развитых государств) идти по пути осуждения отклоняющегося поведения неадекватных малых групп, так как это противоречит идее политкорректности. Доктринальная ангажированность низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека – если R-комплекс образование стихийно-эволюционное, то степень вины серийного преступника становится уже не столь однозначной.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, с незначительными перспективами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walsh A., Beaver K.M. Introduction to Biosocial Criminology / Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 7–28.
2. Theories of crime / ed. by I. Marsh. N.Y. : Routledge, 2006. 205 p.
3. Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. 285 p.
4. Ганишина И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 160 с.
5. Kiely T.F. Forensic evidence: science and the criminal law. Boca Raton, CRC Press, 2001. 345 p.
6. Mills L.G. The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings. NY, Springer Publishing Company, 1998. 296 p.
7. Сагаатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 420 с.
8. Vronsky P. Serial killers: the method and madness of monsters. N.Y. : Berkeley books, 2004. 412 p.
9. Депере Ш. Превращения животного мира / пер. Ю. Жемчужникова ; под ред. и с предисл. А. Борисяка. Пг. : Тип. М. Стасюлевича, 1915. 269 с.
10. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Собрание сочинений. Л. : Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. 328 с.
11. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Алетейя, 2007. 720 с.
12. Fox R.J. The XYU offender: a modern myth? // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1971. Vol. 62, № 1. P. 59–73.
13. Наследственные болезни человека / под ред. Л.О. Бадаляна. Ташкент : Медицина, 1980. 248 с.
14. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 214 с.
15. Самищенко С.С. Атлас необычных папиллярных узоров. М. : Юриспруденция, 2001. 320 с.
16. Чистикин А.Н., Яровенко В.В. Опыт определения психопатологических состояний методом дерматоглифики // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск, 1993. С. 145–146.
17. Kurtz Ch.J., Hunter R.D. Dark truths: modern theories of serial murder. London : Virgin Books Ltd., 2004. 229 p.
18. Schurman-Kauflin D.S. The new predator: women who kill, Profiles of female serial killers. N.Y. : Algora Publishing, 2000. 240 p.
19. Beaver K.M. Molecular Genetics and Crime / Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 50–72.
20. DeLisi M. Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 209–224.
21. Moore T.M., Scarpa A, Raine A.A meta-analysis of serotonin metabolite 5-HIAA and antisocial behavior // Aggressive Behavior. 2002. № 28. P. 299–316.
22. Raine A. The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder. San Diego, CA : Academic Press, 1997. 377 p.
23. Ramsland K.M. Inside the minds of serial killers: why they kill. Westport : Praeger, 2006. 201 p.
24. Wright J.P., Boisvert D., Dietrich K., Ris M.D. The Ghost in the Machine and Criminal Behavior: Criminology for the 21st Century // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 73–89.
25. Thornhill R., Palmer C.P. A natural history of rape. Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. 272 p.

26. Mazur A. Testosterone and Violence among Young Men // *Contemporary biosocial criminality* / ed. by A. Walsh, K. M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 190–204.
27. Щербача С.А. Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям : дис. ... канд. психолог. наук. Сочи, 2003. 150 с.
28. Tiihonen J. Genetic background of extreme violent behavior // *Molecular Psychiatry*. 2014. P. 1–7.
29. Roach M.S. *The curious lives of human cadavers*. London : Penguin Books Ltd, 2003. 304 p.
30. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О.Т. Вите. СПб. : Алетейя, 2007. 720 с.
31. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насилованных преступлений : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.
32. Модестов Н.С. Маньяки... Слепая смерть. М. : OCR Палек, 1998. 193 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 июня 2018 г.

CRITERIA FOR THE ANALYSIS OF CAUSALITY THEORIES OF SERIAL CRIMES (ON THE EXAMPLE OF BIOLOGICAL THEORIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 174–181.

DOI: 10.17223/15617793/431/24

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: serial criminal; serial killer; causality theory; biological factor of crime.

The article reveals the algorithm for evaluating the research value of individual causality theories of serial crimes. Within the framework of various research schools, several main directions have been formed, explaining the reasons for the existence of serial crimes. For the most part, these theories are persuasive in both theoretical and empirical aspects, which makes the explanation of their large number problematic. The result of the study was an analysis of the strengths and weaknesses of biological theories of causality of serial crimes. In the conducted research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. The following private scientific methods were used in the study: biographical analysis, statistical analysis, comparative-historical method, expert assessment. The factors determining the content of the obtained knowledge about the personality of the offender are singled out: objective patterns that predetermine the nature of the object under study; the level of scientific knowledge necessary for the cognition of the object under study; the social order of the society; academic traditions; the research potential of the scientist. Among the factors by which it is expedient to determine the value of the theory of causality of serial crimes, the following criteria of analysis were assigned: the content of the theory; the typical image of a serial criminal resulting from the content of the theory; theoretical consistency and value; practical value and scope; empirical validity; strengths of the theory; weaknesses of the theory; political and doctrinal bias; the current state and development prospects. These criteria were used in the content analysis of a group of biological theories of causality of serial crimes. This group includes such well-known theories as the genetic theory and the theory of the R-complex. The genetic theory explains the criminal behavior of serial criminals as congenital defects in their body. The theory of the R-complex presupposes the presence in serial criminals of an archetypal complex of aggressive behavior, reflecting one of the stages of human evolution. One of the main ideas is the thesis about the targeting of each theory of causality of serial crimes.

REFERENCES

1. Walsh, A. & Beaver, K.M. (2009) Introduction to Biosocial Criminology. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
2. Marsh, I. (ed.) (2006) *Theories of crime*. N.Y.: Routledge.
3. Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) (2009) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
4. Ganishina, I.S. (2004) *Psikhologicheskoe vliyaniye neblagopoluchnoy sem'i na deviantnoye povedeniye nesovershennoletnikh* [Psychological influence of an unsuccessful family on the deviant behavior of minors]. Psychology Cand. Diss. Ryazan.
5. Kiely, T.F. (2001) *Forensic evidence: science and the criminal law*. Boca Raton: CRC Press.
6. Mills, L.G. (1998) *The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings*. N.Y.: Springer Publishing Company.
7. Sagatovskiy, V.N. (1973) *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategoriy* [Fundamentals of the systematization of universal categories]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. N.Y.: Berkley books.
9. Deperet, Ch. (1915) *Prevrashcheniya zhivotnogo mira* [The transformations of the animal world]. Translated from French by Yu. Zhemchuzhnikov. Petrograd: Tip. M. Stasyulevicha.
10. Ukhtomskiy, A.A. (1950) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
11. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the origin of human history (the problem of paleopsychology)]. 2nd ed. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Fox, R.J. (1971) The XYY offender: a modern myth? *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 62:1. pp. 59–73.
13. Badalyan, L.O. (ed.) (1980) *Nasledstvennyye bolezni cheloveka* [Hereditary diseases of man]. Tashkent: Meditsina.
14. Samishchenko, A.S. (2015) *Nauchnye osnovy daktiloskopii i perspektivy ikh razvitiya* [Scientific foundations of fingerprinting and prospects for their development]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Samishchenko, S.S. (2001) *Atlas neobychnykh papillyarnykh uzorov* [Atlas of unusual papillary patterns]. Moscow: Yurisprudentsiya.
16. Chistikin, A.N. & Yarovenko, V.V. (1993) Opyt opredeleniya psikhopatologicheskikh sostoyaniy metodom dermatoglyfiki [Experience in the definition of psychopathological states by the method of dermatoglyphics]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremennyy period* [Topical issues of jurisprudence in the modern period]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Kurtz, Ch.J. & Hunter, R.D. (2004) *Dark truths: modern theories of serial murder*. London: Virgin Books Ltd.
18. Schurman-Kauflin, D.S. (2000) *The new predator: women who kill, Profiles of female serial killers*. N.Y.: Algora Publishing.
19. Beaver, K.M. (2009) Molecular Genetics and Crime. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
20. DeLisi, M. (2009) Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.

21. Moore, T.M., Scarpa, A. & Raine, A. (2002) A meta-analysis of serotonin metabolite 5-HIAA and antisocial behavior. *Aggressive Behavior*. 28. pp. 299–316. DOI: 10.1002/ab.90027
22. Raine, A. (1997) *The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder*. San Diego, CA: Academic Press.
23. Ramsland, K.M. (2006) *Inside the minds of serial killers: why they kill*. Westport: Praeger.
24. Wright, J.P., Boisvert, D., Dietrich, K. & Ris, M.D. (2009) The Ghost in the Machine and Criminal Behavior: Criminology for the 21st Century. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
25. Thornhill, R. & Palmer, C.P. (2000) *A natural history of rape*. Cambridge, MA: The MIT Press.
26. Mazur, A. (2009) Testosterone and Violence among Young Men. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
27. Shcherbakha, S.A. (2003) *Vliyaniye agressivnosti lichnosti na ee otnoshenie k pravonarusheniyam* [Influence of person's aggression on its attitude to offenses]. Psychology Cand. Diss. Sochi.
28. Tiihonen, J. (2014) Genetic background of extreme violent behavior. *Molecular Psychiatry*. 20(6). pp. 786–792. DOI: 10.1038/mp.2014.130
29. Roach, M.S. (2003) *The curious lives of human cadavers*. London: Penguin Books Ltd.
30. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the origin of human history (the problems of paleopsychology)]. St. Petersburg: Aleteyya.
31. Ratinova, N.A. (1998) *Samoregulyatsiya povedeniya pri sovershenii agressivno-nasil'stvennykh prestupleniy* [Self-regulation of behavior in the commission of aggressively violent crimes]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
32. Modestov, N.S. (1998) *Man'yaki... Slepaya smert'* [Maniacs . . . Blind death]. Moscow: OCR Palek.

Received: 15 June 2018